

ности обычно объясняют особенностями российского менталитета: ученые в России не привыкли писать заявок на гранты, не умеют «продавать» себя, и поэтому только в результате собеседований и личного общения с соискателями можно выбрать наиболее достойных. Что касается поездок в регионы, то эта сторона деятельности фондов является действительно актуальной. По данным некоторых опросов, 90% провинциального населения читает только местную прессу, из которой они не могут узнать о существовании специальных фондов и программ зарубежной помощи.

Квотирование финансирования по научным дисциплинам пропорционально числу поданных заявок действительно существует в ряде американских фондов (первыми это начали делать в Международном научном фонде). Администрация фондов полагает, что таким образом достигается «равный уровень конкурса» по различным дисциплинам, что в свою очередь является демонстрацией «равных возможностей» соискателей, представляющих различные направления исследований. В этом случае различие в числе грантов по научным направлениям определяется в первую очередь численностью ученых данной специальности (как известно, физиков, например, больше, чем астрономов) и уровнем их активности в подаче заявок. С другой стороны, такая организация отбора проектов не дает возможности определить сравнительное «качество» исследований по различным научным направлениям, приводит к отсеву более сильных заявок по одной дисциплине в пользу более слабых по другой. И с этой точки зрения оказывается, что возможности как раз не равны.

Что касается поддержки женщин и исследований, связанных с их правами и свободами, то многие американские фонды действительно делают на этом особый акцент. Наиболее последовательными в этой области являются фонд МакАртуров, АСПРЯЛ и Российский научный фонд, финансируемый фондом Форда, в которых поддержка женщин официально провозглашена в качестве одного из приоритетов. Это подтверждается данными о распределении грантов: если в 1994 г. в фонде МакАртуров доля женщин в общем числе грантополучателей составляла 43,7%, то в 1995 г. — уже 47,4%. Та же тенденция, только еще более ярко выраженная, наблюдается по программе АСПРЯЛ: доля женщин возросла с 51,5% в 1994 г. до 61,2% в 1995 г. Эти цифры дают только самое общее представление о том, насколько успешны фонды в стремлении к преимущественной поддержке женщин. Более ясной картина становится при сравнении доли женщин, получивших гранты по каждой из поддерживаемых научных дисциплин, с удельным весом женщин-ученых по данному научному направлению. Проведенный анализ для фонда МакАртуров и Российского научного фонда показал, что по политологии, социологии и праву доля женщин-грантополучателей больше доли женщин, которые, согласно данным официальной статистики, работают в данных областях наук. Что касается грантов по биологии (экологии) и экономике, то здесь ситуация обратная. В целом в фонде МакАртуров стремление к преимущественной поддержке женщин проявляется в большей степени, чем в Российском научном фонде. Там превышение доли женщин-грантополучателей было только в социологических науках.

Такой критерий кажется не совсем оправданным. Это подтверждается и чисто житейскими ситуациями, когда мужчины-ученые, чтобы получить грант на выполнение исследования, ставили в качестве автора проекта какую-нибудь из женщин-коллег.

В отличие от американских, европейские фонды не имеют предпочтений по полу и относятся с достаточной долей осторожности к феминистским движениям в науке.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что европейская модель более «повернута» к российской действительности, имеет в своей основе достаточно гибкую систему критериев и процедур оценки проектов. Наконец, европейские фонды находятся под меньшим влиянием своих внутренних культурно-идеологических ценностей.

При подготовке публикации были использованы следующие материалы:

1. Наука России сегодня и завтра. Ч. 1. Вып. 3. Аналитический центр по научной и промышленной политике. М., 1993.
2. Поддержка международными организациями и фондами участия женщин в научной и образовательной деятельности. Сборник информационных материалов. Вып. 1. СПб., 1995.

«МОЛЧАТЬ ДОЛЕЕ НЕЛЬЗЯ...»

(Из эпистолярного наследия академика С. Ф. Ольденбурга)

Одна из центральных фигур российского научно-организационного процесса начала XX в. — Непременный секретарь Академии наук на протяжении четверти века (1904—1929), академик-востоковед Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) до сих пор остается *terra incognita* отечественной социальной истории науки. Внешняя канва его судьбы кажется вполне благополучной. О нем писали при жизни, и даже после «дела Академии наук» 1929 г. его имя не исчезло из советских энциклопедий и справочников. Об Ольденбурге упоминали по разным поводам (как правило, в перечислениях) в монографиях, посвященных истории востоковедения и Академии наук. И только. Стена молчания вокруг «незапрещенного» имени оказалась настолько прочной, что первые, после некрологических статей 1930-х гг., работы об Ольденбурге появились ровно через 50 лет после его кончины. Историкографический всплеск пришелся на середину 1980-х гг., когда в связи со 100-летием со дня рождения ученого появился ряд публикаций, в т. ч. вышедший в 1986 г. в Москве сборник статей «Сергей Федорович Ольденбург».

Причины тому очевидны. Совсем недавно академик казался слишком «белым» — еще бы: кадет, министр просвещения Временного правительства. Когда в 1946 г. вдова ученого пыталась опубликовать статью о гимназических и студенческих годах Ольденбурга, президент АН СССР С. И. Вавилов в отзыве на эту работу, несмотря на первую фразу — «признание» в том, что «память о Сергее Федоровиче мне настолько дорога, что каждую новую, даже мало значительную подробность его жизни, я ловлю с жадностью», закончил отзыв однозначным вердиктом: «...для печати бесспорно неприемлем...», аргументировав столь суровое суждение тем, что «речь идет о поре, хронологически нам близкой, политически очень острой, и о людях, которым впоследствии, уже на наших глазах пришлось сделаться заметными общественными и политическими деятелями» [1, л. 101—102об.].

Сегодня Ольденбург многим кажется чересчур «красным»: ему ставят в вину попытки найти компромисс в отношениях с новой властью; его обвиняют в измене идеалам, слишком лояльном поведении, тем самым подтверждая исторический прогноз Евг. Трубецкого, видевшего в русском максимализме — «все или ничего» — тупиковую форму общественного сознания, приверженность «чистоте формулы» независимо от ее практического результата.

Современники, близкие и далекие, неоднозначно оценивали эту фигуру. «В дореволюционное время, — писал академик-филолог С. А. Жебелев 1 марта 1934 г., на следующий день после кончины Непременного секретаря, — Ольденбург был, несомненно, *spiritus movens* Академии <...>, последние годы [1920—30-е — М. С.] лишили его со стороны многих той симпатии, которой О. пользовался у всех, кто его более или менее близко знал. О. хотел „переклеститься“, сначала путем „приспособления“ к новому, а затем и полным поворотом к нему, но это ему не удалось и не могло удалиться. <...> Скольких он „спасал“, то, что было обречено на гибель; а когда „спасать“ стало поздно, О. круто повернул руль влево, но в этот поворот вряд ли кто поверил и верит, и это охладило симпатии многих к О.» [2, л. 1—10б.]. По-видимому, мнение Жебелева разделяли многие в академической среде (см., например, характеристики, данные Ольденбургу академиком А. Н. Крыловым в [3]), однако всякий раз, когда Непременный секретарь просил об отставке, замены ему не находилось... Заметим также, что десять лет, до 1927 г., Академия наук оставалась едва ли не единственным учреждением в Союзе, продолжавшим существовать по своим внутренним, по сути дореволюционным, законам. Этот беспреседентный факт до сих пор не оценен в должной мере историками. Как бы отвечая оппонентам Ольденбурга, его близкий друг, историк и литературовед Д. И. Шаховской писал: «Сергей был прежде всего человеком реального дела, непреклонным служителем долга, ценящим результаты и подлинное дело. При этом в нем было много самоуверенности, и при постоянном вращении в среде, стоящей гораздо ниже его, это вылилось в какое-то самомнение, а огромные задачи, им на себя принятые и им с удивительным умением проводившиеся, всецело поглотили все его душевные силы и сделали его рабом принятого на себя тяжелого ответственного служения» [4, с. 272].

Академик Ольденбург принадлежал к тому поколению отечественной интеллигенции, «через которое в пору высокосоциальной его жизни, полной духовной зрелости, прошла История» [5, с. 223]. Она вместила три революции, мировую и гражданскую войны — социальные катаклизмы, оказавшие глубокое воздействие на эволюцию общественно-политических и неразрывно с

ними связанных этических воззрений этого поколения. Но всегда в центре их представлений находилась идея духовной преемственности и культурной непрерывности как основы существования любого общества. Гибель интеллигенции — носителя этой идеи — воспринималась как уничтожение культуры, а с ней и всего общественного устройства. «...Приходится признать, — писал еще в 1906 г. Ольденбург сыну, — что столетия рабства зародили в груди пролетариата ненависть к тем, кому жизнь отдала все блага и преимущества. И теперь начинается возмездие. Это надо понять и понять вместе с тем, что необходимо приложить все старания к тому, чтобы спасти перед этой страшной волной „экономического материализма“ культуру, идеалы, то, что красит жизнь и что, раз потерянное, не вернешь, и это наша задача, задача тех, кто знает цену этим „нематериальным благам“, сохранить их для человечества. Это вопрос не партийный, не политический, а выше того и другого» [6, л. 12об.]. Именно с этой точки зрения понимал и оценивал происходившее Непременный секретарь Академии наук, один из немногих деятелей науки, который, хотя и по-своему, но принял революцию как возмездие «за столетия рабства». Вслед за Н. А. Бердяевым Ольденбург мог повторить: «Я пережил русскую революцию как момент моей собственной судьбы...» (цит. по: [7, с. 36]).

Статус Непременного секретаря обязывал Ольденбурга выполнять роль парламентария как в стенах самой Академии, так и вне ее, постоянно преодолевая неприязнь и взаимное непонимание в отношениях ученых и власти, внутри самого научного сообщества. «Юбочная» интеллигенция — «случайно вздутый пузырь на народном теле, оторванный от него и потерявший всякое живое чутье действительности», кадеты — «слонявые книжники и фарисеи» и т. п. — такими характеристиками изобилуют «Воспоминания» о событиях осени 1917 г. математика, с 1919 г. вице-президента РАН В. А. Стеклова [8, с. 285, 286 и др.]. Прагматик, человек воли и действия, крупный научный авторитет, он фактически возглавлял группу академиков (преимущественно естественников), ратовавших за продолжение работы при любой власти. Иные настроения господствовали среди членов Академии — гуманитариев, которые в основном и были теми кадетами, о которых столь нелестно отзывался Стеков. Для них октябрьские события не могли быть «революцией», и они настаивали на противодействии.

В эти первые месяцы нового режима роль С. Ф. Ольденбурга в установлении контактов Академии наук с властью была исключительно велика. Его давнее знакомство с председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным обеспечило максимально мягкое вхождение Академии в формировавшуюся структуру управления наукой, более того, — во многом способствовало закреплению лидерства АН среди всего научного сообщества, что вызвало серьезную, продолжавшуюся много лет конфронтацию с Наркомпросом в лице М. Н. Покровского, претендовавшего в свою очередь на роль «министра» от науки. Попутно отметим, что противостояние это было неизбежным. Обе стороны исповедовали до боли схожую идеологию организации научной деятельности и потому не могли не столкнуться в борьбе за роль «истинного» выразителя интересов государства в сфере научной политики. Публикуемое ниже обращение Ольденбурга (от имени АН) к наркому просвещения А. В. Луначарскому наглядно демонстрирует уровень притязаний «первенствующего научного сословия» на ведущую роль в общественном устройстве. Эстатысты по убеждениям, именно авторитетнейшие русские ученые (В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов и др.) еще до 1917 г. разработали концепцию и программу государственной (курсив мой. — М. С.) организации науки, став тем самым — вольно или невольно — отцами-основателями советской научно-организационной системы. Вспоминается Б. Пастернак: «Дурак, герой, интеллигент печатал и писал плакаты про радость своего заката...». Вот и получается, что, если отбросить вполне оправданные эмоции, сопутствующие все новым и новым фактическим сведениям о репрессиях в науке, то нельзя не согласиться со многими базисными тезисами «доперестроечной» историографии. Но вернемся к С. Ф. Ольденбургу. Немногие догадывались, сколько душевных сил и нервной энергии стоила ему позиция «парламентаря», тем более, что и сам он считал: «Что переживаешь, надо переживать одному...». И далее в том же письме 1923 г. признавался: «... надо ... спасать и научную работу, и людей для этой работы в постоянных прениях, заседаниях, поездках в Москву, писаниях и защитах бесконечных докладных записок, имея, с одной стороны, грубых и властных людей, с другой, изнервничавшуюся интеллигенцию <...>. И это с утра до вечера, без дня передышки. И рядом с этим обыски (у нас их было 6), аресты, вечные хлопоты в ЧК — слезы и страдания тех, кто остается, часто тщетные, иногда и удававшиеся попытки спасти от расстрела людей, у которых есть близкие — переживания с уводом на расстрел соседей по камерам, когда я был в тюрьме [сентябрь 1919 г. — М. С.] (думаю, что умереть самому легче). И так — идут годы. <...> И фоном для всего этого смерти, смерти без конца, людей близких и далеких, оставляющих вдов и сирот. По своему центральному положению в большом деле я невольно всегда стоял и стою близко к этому всему и так как „вне дома“ меня не считают ледяным, то идут ко мне. <...> Думаю, что могу жить все-таки несмотря ни на что, не потому что я „ледяной“, а потому, что верю в жизнь и людей и люблю их и ее, потому что всем существом чувствую великую благость, красоту, радость жизни, несмотря ни на что. <...> Жизнь так бесконечно сложна, трудна, тяжела и — прекрасна» [9, л. 7об.—9].

Процитированное письмо резко выделяется среди эпистолярной Ольденбурга тех лет, имеющей, как правило, деловой характер. На «лирику», личные письма времени не оставалось. Практически вся академическая корреспонденция, независимо от социального статуса адресата, велась Ольденбургом лично, и то, что потом выходило из академической канцелярии на бланке, в черновике — автограф Непременного секретаря.

Основная часть переписки Ольденбурга с М. Горьким, хранящаяся в архиве писателя в ИМЛИ РАН, была издана в 1987 г. [10], однако за ее пределами осталось несколько писем из того же собрания, которые публикуются ниже.

Они познакомились в 1899 г., но только события 1917 г. сблизили их лично. В писателе Горьком Ольденбургу виделось гармоничное слияние народного начала и свойственной интеллигенции духовной рефлексии; не последнюю роль играло и то обстоятельство, что при всех перепадах политического климата Петрограда Горький, в отличие от «барина» Ольденбурга, был «свой», «пролетарский писатель», к его словам прислушивались и иногда даже реагировали делом. Благодаря авторитету Горького была создана Петроградская комиссия по улучшению быта ученых — а значит, остались в живых и продолжали работать многие люди науки. «Для русской интеллигенции, — заметил В. Шкловский, — Горький был Ноем. На ковчегега „Всемирной литературы“, „Издательства Гржебина“, „Дома Искусств“ спасались во время потопа. Спасались не для контрреволюции, а для того, чтобы не перевелись грамотные люди в России» [11, с. 196].

Биография С. Ф. Ольденбурга еще не написана, одна из трудностей — почти полное слияние в фактически-действенном плане Академии и ее Непременного секретаря. Может быть, один из ключей к пониманию этой сложной личности — в его многочисленных историко-научных эссе-некрологах, где, повествуя о коллегах, Ольденбург, как кажется, больше размышляет о себе; в одном из них он писал: «Когда подводятся итоги деятельности человека, что происходит обыкновенно после его смерти, можно произнести суждения с двух разных точек зрения — пользы, которую он принес, и затем достоинствах его как человека и деятеля, и суждения эти не всегда совпадают: часто приходится сказать, что жизнь человека складывается так, что он не дает всего того, что мог бы дать по уму, способностям, знаниям. Почему жизнь так складывается, всегда вопрос сложный, и всегда известная доля ответственности падает на самого человека» [12, с. 131].

М. Ю. Сорокина

Список литературы

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФАРАН). Ф. 208. Оп. 2. Д. 40.
2. СПбФАРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 26.
3. Переписка А. Н. Крылова с неперменным секретарем АН СССР академиком С. Ф. Ольденбургом // ВИЕТ. 1982. № 1. С. 97—103.
4. Шаховской Д. И. Письма о Братстве // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.—СПб., 1992.
5. Добиши-Роздественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987.
6. СПбФАРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 46.
7. Родина. 1989. № 12.
8. Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991.
9. СПбФАРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 15.
10. Из переписки С. Ф. Ольденбурга с А. М. Горьким // Народы Азии и Африки. 1987. № 5. С. 134—143.
11. Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие. М., 1990.
12. Ольденбург С. Ф. А. О. Ивановский // ЖМНП. 1903. № 4.

1. А. М. Горькому [Архив А. М. Горького. ИМЛИ РАН. Кг-Уч 8—27—29. Л. 1—106].

Петроград. 9 июля 1920 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович.

В. А. Стеклов¹ и я должны быть на днях у Зиновьева² по вопросу о положении наших средних и младших служащих: они совершенно погибают и разбегаются, потому что получают и ничтожное содержание и не имеют пайка. Мы уже потеряли целый ряд от смерти, а другие, заболев или голодая, ушли и никто на их место не идет, [так] ч[то] оставшимся еще труднее работать. Так недавно в моей канцелярии один курьер ушел, другой умер. С трудом мы достали одну молодую женщину. Из 9 средних служащих в одной моей канцелярии ушло 3 и нечем их заменить. Положение начинается делаться катастрофическим.

Не можете ли Вы подготовить Зиновьева к нашему посещению — мы будем у него с одним из младших служащих и будем просить сделать что-нибудь, чтобы опять можно было наладить работу и чтобы люди не голодали и не погибали.

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

2. А. В. Луначарскому [ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 150. Л. 266—267].

12 февраля 1922 г.

Народному комиссару по просвещению

Значение науки для жизни народа и для государства ясно всякому, кто сколько-нибудь думал об этом вопросе. Западная Европа и Америка почувствовали это особенно сильно во время мировой войны и еще сильнее теперь, когда надо возрождать страны экономически, морально и социально.

Мы видим это особенно ярко в тех двух странах, которые до этого государственно меньше всего приходили на помощь науке, предоставляя почти все делу частной инициативы, в Англии и Америке. Факты эти теперь известны и нам, русским, так как о них можно читать во всей научной прессе Запада и Америки.

В это самое время мы под давлением экономической разрухи и голода создаем невозможное существование для научной работы в России. Нечего говорить о потрясающем числе погибших ученых⁴ из той горсти, которая и ранее с громадным напряжением старалась справиться с обширными задачами, перед ней лежавшими. Лаборатории во всех областях знания не могут работать, потому что нет топлива, газа, электричества, приборов, реактивов. Все величайшие достижения науки последних лет почти совершенно им недоступны, ибо лаборатории должны довольствоваться кустарной работой, так как кредитов для настоящей работы нет. А жизнь, голод плодороднейших губерний, вымирание миллионов людей, невероятные по своим размерам эпидемии вопиют к науке о помощи; на днях мы читали в одной из газет в грозной статье о голоде горячий призыв к «безобманной» науке.

С горечью и болью русская наука должна сказать, что если продлится то положение, в которое ее ставит новая экономическая политика, она перестанет быть безобманной и ничего не даст тем, кто ждет от нее (и справедливо) указания путей и средств избавления от страдания. Она скоро сможет только предлагать камень вместо хлеба, ибо скоро она станет окончательно бессильна.

Но мало еще и этого: падение науки у нас теперь означает уничтожение той преемственности в работе, без которой наука жить не может. Высшая школа с ее страшной разрухой не обещает никакого притока свежих научных сил, ибо нужны специалисты, а их современный университет не дает, да и специальные школы дадут, при современной скудости средств преподавания, лишь жалких техников: ни научных деятелей, ни техников мы не видим в близком будущем России, когда в естественном порядке вещей окончательно вымрут современные ученые и техники.

Но мало даже и этого: ослабление возможности научной работы за последние годы, особенно почти полное прекращение печатания, непосильное бремя занятий, легшее на большинство ученых, физические силы которых, подточенные лишениями, долгое отсутствие прежнего общения с Западом, от которого сохранились лишь случайные сношения отдельных ученых, все это вместе взятое привело к ослаблению производительности ученых, к ослаблению анализирующих и синтезирующих способностей. В этом со страхом и горечью убеждаешься, слушая доклады и читая статьи людей, которые всего еще несколько лет тому назад были в полном расцвете творчества, а теперь представляют лишь бледную слабую тень прошлого. Это явление необыкновенно грозное, ибо это верный признак гибели уже не только физического русских ученых, а значит и русской науки.

Когда рядом с этим ставишь блестящие достижения западной науки, то чувствуешь, что мы отстаем в России с потрясающей быстротой от того, что создает в науке Запад, отстаем так, что скоро, может быть, и не наверстать пропущенного.

Явление настолько страшное, что молчать долее нельзя, мало сказать, что меры для остановки или хотя бы уже для ослабления катастрофы должны быть приняты немедленно, нельзя, как это делается, постоянно ждать месяцы, пока бумаги будут ходить, притом зачастую затериваясь по канцеляриям. Жизнь не ждет, и все те соображения расчета, которые были верны четыре месяца тому назад, теперь теряют всякий смысл и не имеют никакого значения. И потому, когда даже благоприятный ответ приходит через четыре месяца, то он перестал быть благоприятным, ибо совершенно отстал от жизни. Принципы новой экономической политики к науке неприменимы, они могут лишь погубить науку, что мы уже и видим.

Необходимо немедленно, приняв решение об исключительном значении научной работы для государства, сделать ее возможной, выделив немедленно и средства, и соответствующий государственный аппарат, облеченный широкими полномочиями с привлечением к работе самих ученых. Только такая, исключительная, срочная мера может хоть что-нибудь сделать.

Должны быть сейчас же даны кредиты на печатание, на лаборатории, на библиотеки и музеи, на научные экспедиции и командировки. В громадном бюджете такого государства, как Россия, кредиты на все это сравнительно ничтожны, они только должны быть даны сейчас — крушение уже наступило, и может быть даже через два-три месяца его нельзя будет остановить.

Все цифровые данные могут быть сообщены немедленно, но давать их, не зная основного принципиального решения власти, — быть или не быть науке в России — бесполезно, бесполезно

но заниматься какими бы то ни было расчетами. Мы ждем немедленного ответа во имя существования той русской науки, которая до сих пор умела вызвать уважение всего мира к русскому научному работнику.

Российская Академия Наук обращается к властям и надеется, что голос ее будет услышан и что будет немедленно сделано все, что возможно, дабы не пала на русскую революцию тягчайшая ответственность за гибель науки. России нужна наука и наука должна быть сохранена для жизни страны и народа⁵.

Непременный секретарь Академии Сергей Ольденбург
Управляющий делами Конференции Блок⁶

3. А. М. Горькому [Архив А. М. Горького. ИМЛИ РАН. Кг-Уч 8—27—11. Л. 1—4].

30 августа — 1 сентября 1922 г.⁷

Дорогой Алексей Максимович!

Шлю это письмо, чтобы звать Вас назад в Россию⁸. Чувствую, что будет Вам нелегко, но знаю, что Вы сами смотрите на необходимость сохранить в России и человечеству (так в тексте. — М. С.) тех людей, которые творят духовную культуру человечества. Какое глубокое непонимание значения культурных сил для страны грозит унести из России и в могилу слабые остатки работников науки, литературы, искусства и просвещения вообще, Вы знаете теперь сами из писем и газет.

Ваше слово, к которому прислушиваются столькие, доверие к Вам, которое есть в широких массах, нужны теперь больше, чем когда-либо. Конечно, и наука, и искусство вечны, и никакое непонимание их значения для человека не остановит никогда и нигде их развития. Но и наука, и искусство имеют своими носителями и служителями людей, а люди гибнут. Сперва прошла громадная волна смерти, частью и убийств, но больше смерти от болезней и истощения, потом волна эмиграции и бегства за границу, теперь волна высылки и ссылки. Тех, кто не покладая рук, работают и будут работать несмотря ни на что после этих трех волн, остается все меньше и меньше, и силы их начинают сдавать. Работа годами без дня передышки в исключительно трудной атмосфере подорвет самые крепкие силы. То, что я пишу, не жалоба, а только установление факта, с которым надо считаться. При современном отношении власти в России к людям науки и культуры вообще, русская культура поставлена, временно конечно, на край гибели. Какие нечеловеческие усилия потребуются потом, чтобы вновь строить то, что так необдуманно разрушается, и какие громадные потребуются жертвы со стороны народа, чьим трудом добывались и добываются средства на работу науки и искусства, без которых тот же народ не может жить. Вы один можете все это сказать так, чтобы на это обратили внимание и действительно что-нибудь сделали. Ваш голос будет услышан всей Россией. Знаю хорошо, как Вы болеете всеми этими нашими бедами, тем ярче будет Ваше слово.

Чувствую, что пишу Вам то, что Вы знаете так же, как и я, но есть потребность все же сказать Вам это, т. к. переживается оно всеми здесь трудно и горечь от непонимания нашей работы очень уж велика почти у всех.

Лично тоже хотел бы очень Вас видеть, как ни раз но мы с Вами посмотрим на жизнь — пессимист и оптимист; посылаю Вам свой перевод киплинговского Пуран-Богата⁹, тоже оптимиста. Более мудрые, чем мы, индийцы стараются отводить важное место заключительным созерцаниям среди природы — величайшего примирителя бурных потоков противоречий человеческого жизни. Так в пустыни и в пустынях люди замыкают достаточным образом круг жизни и вступают в великий благотворный покой смерти. А мы мечемся до конца, не оставляя ни минуты для передышки и для итогов. Как западно блоковское «не может сердце жить покоем»¹⁰. Восток говорит, что должно быть время, когда сердце должно жить покоем, великим покоем созерцания, без которого сердцу не выполнить своего великого назначения в жизни: любить, страдать и понимать. Для последнего необходим покой созерцания, ибо любовь и страдание дают понимание одностороннее. Страдают сейчас много, а любви и понимания мало. Церковь и религия любят говорить о любви, но не видна эта любовь, мало она чувствуется сейчас в жизни.

Вчера опять разговоры о расширении круга высланных¹¹, я хочу попытаться видеть Зиновьева, который несомненно один из инициаторов этой губительной для ближайших судеб русской культуры политики. Мне хочется ему сказать об отчаянном положении тех, кого не выслают, я говорю не о моральном, а чисто физическом. Ведь работники культуры работают из последних сил — каждый день надо подтягиваться, чтобы мучительно доработать, что можешь, до вечера, когда изнеможенный пытается тщетно заснуть, чтобы найти сил на будущий день. Я это вижу кругом себя, вижу это упорное и бесповоротное подтачивание сил людей.

А что будет теперь? Даже жутко подумать. Если русский народ потеряет теперь свои последние слабые культурные силы, то ведь года уйдут на то, чтобы пополнить ряды. Школа в хаоти-

ческом состоянии, молодое поколение мечется, не зная, где и как ему действительно учиться. Конечно, и здесь более сильные выбиваются, и есть кое-какая и даже очень хорошая, знающая молодежь, но среди нее свирепствует страшный туберкулез, и кто выживает.

И в такую минуту, когда надо беречь нежные, слишком нежные ростки нашей культуры, их топчут и вырывают.

Вас, может быть, послушают, поверят, что Вы бескорыстно отстаиваете культурных работников в интересах той же народной массы, которой они нужны.

Знаю, что зову Вас на трудный путь, но, может быть, можно будет и Вас хоть немного охранить поездкой на юг. Самое важное, чтобы Вы были в России, чтобы голос Ваш звучал здесь, в России.

Простите за длинное и тяжелое письмо. Крепко жму Вашу руку — будьте здоровы.

Искренне Вам преданный Сергей Ольденбург.

4. А. С. Енукидзе [АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 310. Л. 29—30].

20 декабря 1926 г.

В. Срочно.

Многоуважаемый Амель Софронович¹²,

18 декабря с/г по ордеру Государственного Политического Управления подвергнут личному задержанию Ученый Секретарь состоящих при Академии Наук СССР Постоянной Комиссии для изучения естественных производительных сил СССР и Особого комитета по исследованию Союза и Автономных Республик и областей геолог Борис Александрович Линденер.

Академии наук СССР совершенно неизвестна причина и основания этого ареста. Но, с своей стороны, она может засвидетельствовать, что Б. А. Линденер в течение ряда лет службы своей в Академии заявил себя совершенно исключительным научным работником и человеком большого организаторского таланта, добросовестности и трудоспособности.

Именно этим и объясняется возложение на него особо ответственных обязанностей Ученого Секретаря двух академических учреждений, имеющих в данный момент исключительно важное значение. Из неоднократных докладов в Комиссии по содействию трудам Академии Наук, Вам прекрасно известно, какое значение придает Академия изучению естественных производительных сил страны и исследованию Союз[ных] и Автономных Республик. Это, действительно, громадные государственные задачи, имеющие при том неотложный, боевой характер. В этом убеждении Академия Наук широко ставит исследования производительных сил СССР и организовала, по поручениям Правительства отдельных Республик, ряд комплексных и специальных исследований их территорий и населения, каковые и идут уже полным ходом. В этой важнейшей работе Б. А. Линденер, как Ученый Секретарь и опытный организатор экспедиционных исследований, занимает совершенно особое место. В день своего ареста он только что вернулся из Кызыл-Орды, столицы Казакстана, где получил сведения и руководственные указания относительно постановки исследовательских работ в Казакстанской АССР в 1926—27 г. У него же сосредоточены данные и по другим таким же исследованиям обоих вышеуказанных учреждений. В таких условиях даже временное изъятие этого сотрудника — незаменимого специалиста и опытного организатора — действительно наносит непоправимый удар всему делу. Работа внезапно прервана именно в тот момент, когда нужно в самом срочном порядке вести подготовку экспедиций, чтобы организовать исследовательские отряды к началу весны. Из рабочей среды Академии удален человек, находящийся в курсе всех подробностей этого важнейшего дела, имеющего безусловно характер общегосударственного задания.

Бывают обстоятельства, когда устранение от дела даже отдельного человека может угрожать самыми серьезными последствиями, и мы не можем здесь не обратить Вашего внимания на то, что в данном случае Академия Наук находится именно в таком положении. Только серьезность этого положения и вынуждает нас обратиться к Вам лично, чтобы привлечь Ваше внимание к настоящему случаю и очень просить Вашего содействия к самому срочному выяснению дела Б. А. Линденера в надежде на его скорое возвращение к работе Академии Наук.

Мы исполняем это свое намерение с тем большей уверенностью в благоприятном исходе нашей просьбы, что, с одной стороны, убеждены в крайней тягости для Академии Наук устранения Б. А. Линденера от его работы, а с другой — давно знаем его, как выдающегося работника, всегда выделявшегося своей добросовестностью и преданностью делу.

Уважающие Вас

Президент А. Карпинский

Непременный Секретарь, академик Ольденбург

Председатель ОКИСАР академик Ферсман

5. Е. Г. Ольденбург¹⁴ [СПБФАРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 15. Л. 336—339об].

Москва. 6 февраля 1929 г.

Б. Молчановка, 2, кв. 3

Милая Лена, часто вспоминал тебя за вчерашний, для Академии, думаю, действительно исторический, как его назвал Марр, день. Приехали мы из-за мороза на 3 1/2 часа позднее, здесь было вчера 25 Реомюра, в Бологом, говорят, еще больше. Я ехал в одном отделении с Ферсманом, другие все ехали в другом вагоне рядом, куда утром пригласили нас на совещание. Мы совещались часа три, сначала в разнойбой, потом более дружно. Выступить с кратким докладом поручили мне. С вокзала Ферсман и я проехали прямо (в закрытом автоб[иле]) в Кремль переговорить с Вороновым¹⁵. Он показал нам интересную составленную им справку об академиках (постарайся ее достать) с разделением на 4 группы: 1. солидарные с Президиумом — 35; 2. противники — 19; 3. неопределенные — 19; 4. отсутствующие и поэтому сейчас в счет не идущие (больные, командированные). Приблизительно она отвечает и нашим представлениям, но нуждается в поправках. Из Кремля я завез Ферсмана в б. Московскую, сам проехал на Б. Молчановку, послать письмо не мог, п. ч. не решился послать в сильный мороз (трамваи едут только частью могут ходить из-за мороза) нашу больную Зою Алекс. К 4 часам мы все собрались в б. Московскую гостиницу, пообедали, поговорили и гурьбой отправились в Кремль, куда прибыли точно к 6. Дело наше было поставлено первым и прения продолжались почти 3 часа — нам несомненно уделили много внимания. Я много записал для тебя, поэтому напишу теперь вкратце. Рыков открыл заседание и спросил, кто будет докладчиком от Академии, и представил мне слово. Я, как мы условились, кратко и точно изложил дело. Затем открылись прения: начал Кржижановский, добродушно, но твердо указал, что АН должна выбрать свой путь, затем говорил Милотин, Луначарский, оба критиковали, но довольно умеренно. Затем Рязанов начал и продолжал очень резко. Все четверо стояли, однако, за принятие хода гайства. Затем исключительно резко говорил представитель Украины Петровский и требовал отклонение ходатайства, затем говорил некто Ланц (кто он не знаю пока), тоже отрицательно, тягуче и бессодержательно. Затем Иоффе хорошо и бледно Платонов. Резко возражал Иоффе, и вообще резко говорил Куйбышев (нарком РКИ), требовал действовать огнем и мечом, отсечь всех протестующих и вообще все пересмотреть, в сущности ставил АН под удар разрушения, требовал отклонения ходат[айства]. После Литвинов (и. о. нарк[ома] ин[остранных] дел). Он начал с того, что как дипломат он за мир, против огня и меча. Но указал, что инцидент вызвал ликование в белогвард[ейских] кругах печати и был несомненно вреден международно. Стоял все же за удовлетв[орение]. Перед Литвиновым блестяще говорил Марр. Он напал на Советы и сказал, что критикуют только нас, а ведь в выборах участвовали не только мы и вообще дал очень хорошую оценку положения, прибавив, что это день исторический. Он напал и на Рязанова и вызвал аплодисменты. Под конец попросил слова я, чтобы выразить удивление, что никто не говорил о работе Академии, напал на Луначарского, он признал это возгласом «правильно», потом на Рязанова и Куйбышева, напомнил о признании нашей работы Лениным и напомнил Рыкову, что он знал раньше и ценил нашу работу. Рыков произнес очень хорошее заключительное слово, благожелательное, но четко оттенил, что Академия должна сама понять, как она должна поступать и поставить работу. Высказался за удовлетв[орение] ходат[айства] и закончил голосованием: 8 — за, 1 — (Куйбышев) против.

Сегодня мне надо быть у Воронова, а в 5 у нас чаепитие с московскими академиками в Доме Ученых. Буду стараться меньше выходить из-за мороза, п. ч. трамваи ходят неаккуратно. Как-то ты там, бедная, боюсь, что мерзнешь. Береги себя, родная, что тебе скажет сегодня Горшков? Узнаю, увы, только послезавтра. Завтра я в Комиссии Госплана, буду докладывать о нашей организации работы. Сейчас перед нами трудная задача по отношению к нашим академикам, заставить многих из них понять, что они живут не до [потопа] и что нельзя безнаказанно отворачиваться от жизни и говорить, как Павлов, что «ученые ни с чем не считаются».

Очевидно, что ближайшие дни будет много работы и там, чтобы переговорить со многими из наших академиков и побудить подумать о работе Академии.

Пожалуйста, спроси Бориса Николаевича [Моласа]¹⁶, разослан ли циркуляр Обручева по его экспедиционной группе? Надо узнать, собираются ли другие группы. [...]

Сегодня поездка тоже, говорят, опаздывают на 3 1/2, верно и я в пятницу приеду между 1—2. Неприятная вещь сильный холод, не хочется выходить, а как-то у нас в Ленинграде, как у тебя с холодом в Эрмитаже. Здесь даже у Воронова сидят и работают в пальто.

Береги себя, милая, милая. Крепко и горячо целую мою милую Лену. Привет молодежи.

Твой Сергей.

Спасибо большое за письма, к[ото]рые только что получил.

Целую крепко, горячо, милая, милая.

Рязанов горячо принимает к сердцу вопросы о продажах худ[ожественных] цен[ностей].

6. А. М. Горькому [Архив А. М. Горького. ИМЛИ РАН. Кг-Уч 8—27—26. Л. 1—2].

Ленинград. 2 апреля 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно собираюсь Вам написать¹⁷, но каждый раз останавливала мысль о тех ворохах корреспонденции, которые каждый день Вам приносит почта, и совестно было увеличивать ее объем. Все же пишу теперь, т. к. хочется Вашего заступничества за важное культурное дело.

У нас теперь сплошь и рядом совершенно искажают мысль (о важности) науки для жизни, отрицая значение теоретической науки, забывая, что если теория без практики мертва, то и практика без теории не жизнеспособна. Конечно, такое отношение не в центрах, а на местах. И тут научному работнику зачастую очень тяжело.

Сейчас специально пишу о случае с известным Вам сборником «Сказок из разных мест Сибири» Азадовского¹⁸. Вы лучше меня знаете, что наша сказка — наша гордость. И сама сказка наша отражает ту «чорт возьми, талантливость» нашу, о которой Вы так хорошо говорили, и в собирании, и в изучении сказки мы стоим в первом ряду со своими мыслями, новыми подходами. И вот вдруг против этого сборника и против его составителя начинается травля местных мракобесов, чуть-чуть не задержавших выход книги в свет.

Если бы Вы написали для «Известий» небольшую заметку об этой книге, сразу был бы положен конец этим недостойным нападкам. Это было бы полезно и для всех тех, кто считает сказку пустой забавой и не понимает, что ее изучение имеет большое научное значение.

Не знаю, есть ли у Вас наши «Обзоры» работ Сказочной комиссии¹⁹, на всякий случай посылаю Вам вышедшие три «Обзора». Собираюсь при поездке в Париж в мае сделать там французский доклад перед ученой публикой о новых течениях в изучении сказки. Часто, часто жалеешь, что не можешь о многом поговорить с Вами. Хотелось бы многое сказать Вам и услышать Ваше мнение.

Работы без конца, работаем всюду, убежденные, что дорабатываемся до хорошего, настоящего.

Если наберется у Вас минута, м[ожет] б[ыть] черкнете, очень этим порадуете.

Жена просит Вам кланяться. Большой привет от искренне и горячо Вам преданного Сергея Ольденбурга.

7. А. М. Горькому [там же. Кг-Уч 8—27—27. Л. 1].

Ленинград. 27 мая 1932 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Вы, наверное, помните известного знатока западных литератур и превосходного переводчика художественных западных произведений Михаила Леонидовича Лозинского²⁰.

По непонятной для всех его знавших причине он был арестован. Теперь, по словам его жены, кончилось следствие и ему предъявлено обвинение по ст. 58, ч. 2, если не ошибаюсь, участие в контрреволюционной организации. Михаил Леонидович чужд политике, он большой труженник, талантливый и лойальный советский работник. Таких, как он, в области работы по западной художественной литературе у нас очень мало. Лишение его возможности продолжить в полной мере его крайне полезную работу, несомненно, серьезный минус. Высококвалифицированных, как он, работников мало, все они на счету. Решаюсь поэтому просить Вас принять участие в судьбе Лозинского, зная хорошо, как Вам дороги интересы литературы. Лозинский человек лойальный и глубоко порядочный.

Жена его сказала мне, что со своей стороны написала Вам. Знаю, как безумно Вы заняты и решился Вас беспокоить только в виду исключительности дела Лозинского. За Лозинского хлопочут из театральных кругов, чрезвычайно высоко ценя его работы по театру и его переводы пьес.

Преданный Вам Сергей Ольденбург.

В. О., 7 л., 2—31.

Примечания

¹ Стеклов Владимир Андреевич (1864—1926) — выдающийся математик и организатор науки, вице-президент РАН—АН СССР (1919—1926).

² Зиновьев Григорий Евсеевич (1883—1936) — партийный и государственный деятель. С 13 ноября 1917 г. председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, с 1919 г. председатель СНК коммун Северной области. Расстрелян в 1936 г.

³ Обращение С. Ф. Ольденбурга за содействием именно к Горькому не было случайным. На про-

тяжении 1918—1921 гг. Горький служил своеобразным мостиком между руководителями АН и СНК, Петросовета, помогая ученым вести переговоры непосредственно с высшим руководством страны, минуя недоброжелательно относившихся к Академии деятелей Наркомпроса типа М. Н. Покровского. В сентябре—октябре 1919 г., когда большая группа ученых, в т. ч. сам С. Ф. Ольденбург, была арестована за принадлежность к кадетской партии, именно Горький ходатайствовал перед Зиновьевым об их освобождении (см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 239—241).

Состоялась ли та встреча с Зиновьевым, о которой пишет Ольденбург, точно установить не удалось. По косвенным данным известно, что в конце лета — начале осени 1920 г. Ольденбург от имени Академии наук обращался к заместителю Зиновьева — Евдокимову с запиской, где ставил в очередной раз вопрос об улучшении снабжения работников АН. Евдокимов отослал Непременного секретаря в Совет профсоюзов, тем самым отложив решение проблемы на неопределенное время. Такой результат заставил Ольденбурга 19 сентября 1920 г. обратиться к управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу с письмом о катастрофическом положении сотрудников АН и о необходимости 280 пайков для них. Вопрос о пайках, равнозначный в то время вопросу о жизни или смерти человека, особую остроту принимал по отношению к лаборантам, ассистентам и т. п. научному персоналу, который постоянно исключался Петросоветом из списков получающих научный паек. В августе 1920 г. А. М. Горький как глава ПетроКУБУ направил в СНК протест против таких действий петроградских властей (см.: Горький и наука. М., 1964. С. 115—116). Ходатайство Горького и письмо Ольденбурга, должное Бонч-Бруевичем председателю СНК В. И. Ленину, были подкреплены объемной запиской руководства АН, направленной в СНК 22 ноября 1920 г. с определением конкретных мер, необходимых для изменения того критического положения, в котором оказались научные работники (см.: Документы по истории Академии наук. С. 174—177). 27 января 1921 г. записка была передана академиками Ольденбургом и Стекловым, а также начальником Военно-медицинской академии В. Н. Тонковым и Горьким В. И. Ленину.

⁴ Более или менее точной статистики потерь научного сообщества за годы гражданской войны до сих пор не существует. «Мартирологи» русской науки публиковались в 1921—1922 гг. (см., например, раздел «Судьбы и работы русских писателей, ученых и журналистов» в берлинском журнале «Новая русская книга» №№ 1, 2 за 1922 г., публикации в журнале «Научный работник»), однако они дают лишь самую приблизительную картину. Отметим, что только Академия наук в 1917—1922 гг. по разным причинам (смерть, эмиграция и т. д.) потеряла более половины своего состава, лишившись 24 членов из 45.

⁵ Публикуемое обращение С. Ф. Ольденбурга к наркому просвещения от имени Академии наук стало непосредственным иницирующим документом для создания Особого временного комитета науки, учрежденного декретом СНК от 20 июня 1922 г. Как отмечают комментаторы сборника документов «Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925)» (Л., 1968. С. 66), по-видимому, Ольденбург лично передал письмо Луначарскому (дата письма совпадает с днем отъезда Ольденбурга в Москву для утверждения издательской сметы Академии). Фактически, по своему статусу (при СНК), полномочиям («выяснение всех научных и материальных потребностей научных учреждений и принятие всех необходимых мер к их удовлетворению») и составу (председатель — зам. председателя СНК, представители НКП, НКФ, ВСНХ и др.) Особый временный комитет науки мог претендовать в перспективе стать «наркоматом науки»; во всяком случае академик В. А. Стеклов в 1924 г. в докладной записке председателю СНК ставил вопрос о создании уже Постоянного комитета науки при СНК СССР. Однако эта идея не была реализована; по-видимому, главное противодействие шло со стороны все того же, курировавшего в Наркомпросе науку, М. Н. Покровского, опасавшегося сокращения своего влияния в сфере научно-организационной деятельности.

⁶ Блок Георгий Петрович (1888—1962) — литератор, двоюродный брат А. Блока. Управляющий делами Конференции РАН, лично близок к С. Ф. Ольденбургу. Арестован по делу лицезистов, вернулся в Ленинград из ссылки в сентябре 1928 г.

⁷ Письмо С. Ф. Ольденбурга написано в период высылки за пределы Советской России большой группы интеллигенции.

⁸ А. М. Горький находился в это время в Германии. Еще в июне 1922 г. он собирался приехать в Россию, но «похолодание» политического климата в стране — особенно процесс над эсерами, проходивший в Москве 8 июня — 7 августа 1922 г. — заставило писателя отложить его намерение. 1 июля Горький писал А. И. Рыкову в связи с процессом: «... Я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 243). А 3 июля он направил письмо А. Франсу, в котором процесс характеризовался им как приготовление «к убийству»

людей, искренне служащих делу русского народа» и просил Франса обратиться к Советскому правительству «с указанием на недопустимость преступлений» (Социалистический вестник. 20 июля 1922 г.). Горький получил резкую отповедь в «Правде», где за подписью О. Зорин была напечатана 18 июля статья «Почти на дне (О последних выступлениях Горького)». В таких условиях обращение Ольденбурга к нему за помощью лишний раз доказывает известную политическую «инфантильность» ученого. Встреча Горького и Ольденбурга состоялась только в октябре 1923 г. в Германии. «Поездкой к Горькому доволен, — писал Ольденбург жене, — думаю, что и ему я мог рассказать о Франции, Англии, Германии такое, что он не знал, и от него узнал. Живет он в общем очень уединенно, много работает, но общению с иностранцами много мешает незнание языков. Он из них знает только итальянский, наименее широко распространенный. Настроение его в общем, мне кажется, тяжелое не только от трудностей сегодняшнего дня, а от общей пессимистической концепции. Он любит человека по-своему, но не верит в него и всегда ждет от него возможного скверного, грязного, преступного. Нет в нем светлой веры в человека, нет той веры, которая понимает, что есть, конечно, ошибки, даже падения, жестокие и страшные, тяжелые и нехорошие, но что не это суть, суть в другом, в том настоящем — человеческом, что надо чувствовать и во что надо верить. <...> Горький читал просто и хорошо (рассказ „Безответная любовь“), в его чтении казалось, что действительно слышишь рассказ выходящего свою жизнь человека. Когда он кончил, он взглянул с характерной для него улыбкой, в которой и горечь, и усмешка ироническая, но и что-то удивительно грустно-доброе, и спросил: „Веселенький рассказ?“ Полуспросил, полусказал: „Я вообще веселый человек“. И как он это сказал, так особенно выступило замученное выражение его глаз. Эти глаза точно говорят: „Да и я хотел бы жить просто, хорошо, ярко и сильно, а ничего не вышло, нет этого, значит, во мне“. Так и вижу эти глаза перед собой и больно за него. Нет, не несчастливый он человек, и нельзя быть счастливым, не веря в людей» (АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 15. Л. 161об.—162об.).

⁹ Киплинг Р. Чудо Пуран Багата. Пг.: «Время», 1922 (пер. и примеч. С. Ф. Ольденбурга).

¹⁰ С поэтом А. Блоком Ольденбург близко познакомился во время совместной работы в Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главнотрудовых и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств. Знакомство продолжилось совместной работой в издательстве «Всемирная литература». Особый отклик вызвала у Ольденбурга поэма «Двенадцать», он писал Блоку в марте 1918 г.: «Вчера случайно имел возможность прочитать Вашу поразительную поэму... Только ничтожное может быть понято единообразно, а где даже только две грани, уже, по крайней мере, два понимания. А то, что создали Вы, так удивительно, так прекрасно, что мой глаз не может перечесть этих граней, которые блещут, сверкают, так их много» (ЦГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 354. Л. 1—1об.). После смерти А. Блока Ольденбург одним из первых написал некролог поэту под названием «Не может сердце жить покоем...» (Начала. 1921. № 1. С. 9—14). Более подробно об их взаимоотношениях см.: *Бонгард-Левин Г. М. Друг, посмотри... // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 215—226; Волонников В. Г. Поэтотому говорю только — большое спасибо (С. Ф. Ольденбург и А. А. Блок) // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986. С. 113—119.*

¹¹ Среди арестованных ученых был в это время и академик И. Ю. Крачковский, востоковед-арабист, академик-секретарь Отделения исторических наук и филологии АН. В октябре 1922 г. он был намечен на высылку за границу, затем в декабре — в Вятскую губ. Начиная с 20 июля 1922 г. — дня ареста ученого — Ольденбург неоднократно обращался во ВЦИК, Наркомпрос, ГПУ с просьбами освободить Крачковского или по крайней мере облегчить его участь. Так, А. В. Луначарскому он направил телеграмму следующего содержания: «Высылают Вятку крупнейшего ученого востоковеда академика Крачковского. Явная ошибка. Ручаюсь безусловно полную лояльность. При состоянии здоровья ссылка погубит. Потеряем лучшего арабиста. Горячо прошу содействовать отмене высылки. Академик Ольденбург» (АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 121. Л. 134). 6 января 1923 г. дело Крачковского было пересмотрено, и 12 января он был освобожден.

¹² А. С. Енукидзе возглавлял созданную по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в 1925 г. Комиссию по содействию работам Академии наук, основной задачей которой являлся контроль за повседневной деятельностью АН. Расстрелян в 1937 г.

¹³ Арест Бориса Александровича Линденера (1884 — не ранее 1947) стал одним из первых сигналов изменения характера отношения власти к Академии наук. Отныне преобладающим стало использование любых поводов для прямого силового давления на руководителей и сотрудников АН. Линденер, ставший жертвой карточной страсти, проиграл казенные деньги и был арестован 17 декабря 1926 г. Во время ареста его побуждали дать показания на А. Е. Ферсмана

в обмен на смягчение участи. Отказавшись, в июле 1927 г. получил 10-летний срок по ст. 116—2 и 120—1, попал на Соловки, затем на Медвежью Гору, а после ходатайства КЕПС — в Хибинны, где стал первым директором горнохимического техникума в Кировске. «Дошедшее до суда дело Линденера (мне близкого человека...), — писал В. И. Вернадский сыну летом 1929 г., — и не дошедшие до суда, приостановленные другие истории лишили АН твердой почвы. По существу, таких злоупотреблений много меньше, чем в других учреждениях, — но они были, и этим моральная сила АН сломлена». (Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну: Русская наука в 1929 году // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 7. Париж, 1989. С. 431).

- ¹⁴ Письмо адресовано жене С. Ф. Ольденбурга. Как известно, в январские выборы 1929 г. впервые в состав действительных членов АН были избраны несколько коммунистов или близких к ним, однако трое из них, баллотировавшихся по Отделению гуманитарных наук — А. М. Деборина, Н. М. Лукина, В. М. Фриче — Общее собрание провалило. Президиум АН немедленно предложил Общему собранию проголосовать о своем решении войти в СНК с ходатайством отступить от Устава АН и довыбрать проваленных. Экстраординарное Общее собрание, одобрявшее инициативу Президиума, состоялось 17 января. На заседании СНК 5 февраля, которое описывает в письме С. Ф. Ольденбург, ходатайство АН было удовлетворено. 13 февраля Экстраординарное Общее собрание «довыбрало» проваленных.

В письме упомянуты академики — археолог и лингвист Н. Я. Марр, историк С. Ф. Платонов, физик А. Ф. Иоффе, геохимик и минералог А. Е. Ферсман, физиолог И. П. Павлов; а также А. И. Рыков — председатель СНК СССР, В. П. Милютин — зам. председателя Госплана СССР, Г. И. Петровский — председатель Всеукраинского ЦИК, Г. М. Кржижановский — председатель Госплана СССР, Д. Б. Рязанов — директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса, А. В. Луначарский — нарком просвещения РСФСР, трое последних были избраны в АН СССР как раз в январе 1929 г.

- ¹⁵ Воронов Евграф Павлович — заведующий отделом научных учреждений СНК СССР.

- ¹⁶ Молас Борис Николаевич (1877—?) — юрист, музеевед. В первые пореволюционные годы служил в системе музейного отдела Наркомпроса; с марта 1923 г. управляющий делами Конференции АН (сменил Г. П. Блока); с 1927 г. зав. секретариатом АН. В период предвыборной академической кампании подвергался ожесточенной травле ленинградской партийной прессой. В декабре 1929 г. снят с работы в АН Комиссией Фигатнера. Арестован не позднее 2 января 1930 г. Тройкой ПП ОГПУ при ЛВО 10 мая 1931 г. приговорен к расстрелу, замененному 10 годами концлагеря, которые отбывал на севере (Карелия или Соловки, затем Архангельская губерния).

- ¹⁷ Письмо адресовано в Сорренто (Италия). В конце мая 1929 г. А. М. Горький возвратился в Россию.

- ¹⁸ Азадовский Марк Константинович (1888—1954) — известный фольклорист, краевед. В описываемое время профессор Иркутского университета, затем работал в ЛГУ.

- ¹⁹ В 1910—1925 гг. С. Ф. Ольденбург руководил секцией этнографии и Сказочной комиссией Русского географического общества, а также являлся редактором регулярно издававшихся «Обзоров работ Сказочной комиссии».

- ²⁰ Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955) — поэт, переводчик. С. Ф. Ольденбург был хорошо знаком с ним по совместной работе в издательстве «Всемирная литература».

Публикации и примечания М. Ю. Сорокиной